

Глава 2

— Ваша остановочка, начальник! — гаркнул мне водитель, глуша мотор.

— Это здесь-то?

Я недоверчиво посмотрел на заросли сквозь опущенное окно. Путь сюда шёл по серпантину, кругом тянулись ели, синие, как у Мавзолея. Отёр пот со лба — уже весь платок мокрый. Я и забыл, какой здесь невероятный зной, солнце так палит, что, кажется, заживо сварюсь в этой железяке. И ещё путь по эдаким колдобинам, словно вышел на байдарке в шторм.

Шофёр смешливо пожал плечами, покусывая папиросу: весь загорелый, красный, как краковская колбаса. Я сунул ему горстку монет и выгрузился из автомобиля. Сколько глаз хватает — длинный каменный забор, покрытый зеленью и мхом; поверх рогом торчит остроконечная башенка. Я-то представлял: раз экспериментальный профиль, то должна быть какая-нибудь крупная клиника, чтобы в городе, в гуще жизни! А тут такая глушь, что не хватает только старушки, чтоб вышла с крыльца и пожалилась, как ей противно русским духом пахнет.

Я двинулся к воротам. Дорога была обыкновенная, грунтовая, и страшно пылила. А как дожди начнутся, какое месиво выйдет — как сюда машины-то добираются? Забуксуют же! Ох, чую, и соскучусь я по асфальту. Я добрёл до входа, с силой толкнул тяжёлую калитку — не заперта — и вошёл во двор. По посыпанной песком широкой

ленте подъезда змеились следы колёсных и тележных шин. На открытой площадке от зноя даже воздух вело. По обе стороны дороги торчали саженцы не больно-то поднявшихся деревьев, тонкие и прямые, как черенки лопат, со взопревшими от яркого солнца листочками. Лишь почти у самого забора красовались высокие дубы. Пахло как в бане — варёной травой и нагретыми камнями. Казалось даже пуствовато.

На том конце дороги стояло здание на мещанский манер: три этажа, скатная крыша, вазоны у входа, резьба, подвязанные тяжёлые подсолнухи под окнами. Виноградные лозы ползли вверх по сетке на крышу террасы. Лепота! То-то бывший санаторий, старался Липников для своих побратимчиков.

Во дворе под надзором медленно прогуливались двое пациентов в пижамах, третий грелся на солнце в каталке, ещё группка столпилась вокруг скамейки, где играли в нарды и слышался звон шашек. Не успел я поравняться с крыльцом, как вдруг под ноги с криком бросилась курица; от неожиданности я её чуть не зашиб, поднялось кудяхтанье. Все тут же развернулись на птичий крик. Сестричка или санитарочка — рослая темноволосая женщина с гордыми чертами — строго посмотрела на меня. Выглядел я, конечно, после двух дней пути неважно, как шаромыжник какой.

— Здравствуйте, товарищ. — Женщина посмотрела на меня с подозрением. — Вам назначено?

— Можно и так сказать. — Я отряхнул штанину от пыли. — Меня к вам привезли из Куйбышева. Хирург Степан Панфилов.

— А, это вы! — Она тут же смягчилась, расправила складки халата. — Заждались. Ну, проходите... Настя-я! — закричала сестра. — Панфилов приехал!

Спустя полминуты дверь распахнулась, и на террасе показалась другая женщина — постарше, приземистая, серо-русая, как полёвка. Выйдя из-под козырька, прикрыла глаза ладонью. На таком ярком свете на её белую форму даже смотреть было больно.

— Проходите-проходите, доктор! Сейчас вас провожу. — Она замала мне со ступеней. — Вы не голодны с дороги-то? Только завтрак был, ещё не остыло.

— Нет-нет, спасибо, в пути поел. Сейчас бы помыться да побриться. — Я, поморщившись, поскрёб колючую щёку. Терпеть не могу небритости. — По пути весь взопрел... Жара тут у вас!

— Да это ненадолго. Вначале палит, а к октябрю и не вспомните.

Она шустро засеменила наверх, я за ней. Шоркали её войлочные тапочки по полу.

— А как вас по батюшке? Анастасия?..

— Настасья Львовна, завхоз, — представилась она.

— Зачем же у вас больница в таких дебрях, Настасья Львовна?

— К нам нечасто ездят, — отмахнулась она. — У нас профиль узкий. Можно сказать, экспериментальный! — Женщина многозначительно и довольно подняла палец в воздух.

— Наслышан. — Я усмехнулся. — «Операции отчаяния».

Мы прошли внутрь. Сразу обволокло приятной прохладой, запахом мыла и гашёной извести. Окрашенные стены, дубовые полы, вощённые до зеркального блеска, электрические лампочки и лента ковра. Настасья, видно, гордилась хозяйством и опрятностью; поглядывала на меня краем глаза, чтобы удостовериться, что я впечатлён. А я и сам не знал, впечатляться мне или нет. Не было это похоже на нашу больницу в Куйбышеве — у нас-то как раз к моей ординатуре открыли просторный семиэтажный хирургический корпус на *двести* коек, пахнувший краской и свежей затиркой. Беготня, голоса, консилиумы, совещания, все лучшие профессионалы Поволжья. Два насыщенных года прошли как угорелый сон. Там-то я и попал под руководство моего научника — Тамары Строгалёвой. Даром что женщина, травматолог из неё — у-у, обречённых с того света выдирала. Руки как у борчи-хи, мозг шахматиста, выписала столько оборудования из Москвы, а тут... Как в сельскую больницу перевели.

«Впрочем, надо же кому-то и целину поднимать», — кисло подумал я и похвалил что смог:

— Хорошо тут у вас, чисто, уютно.

Настасья Львовна удовлетворённо улыбнулась. Забавная, с крупными глазами и похожа на морского котика.

— Ну, что вам рассказать-то... К нам ведь, знаете, уже давным-давно никого не посылали. Даже вроде и нужды не было, не знаю,

с чего и начать. — Она засуетилась. — Ну, тут, на первом этаже, у нас палаты, приёмная, процедурные, ординаторская... Хозяйственного понемногу. Там вон кухня со столовой. Там у нас Люба работает. Это на третьем всё самое интересное — оперблок и палаты послеоперационного наблюдения.

— А зачем так высоко? — поразился я. — Как же вы транспортируете пациентов?

— Так лифт есть, вон — отсюда и налево. Это Василий Никанорович нарочно так устроил. На третьем, говорит, света больше.

Я заглянул за угол. Распашной лифт по типу ЭМИЗовского, только подлиннее, чтобы вмещать каталки. Видно, здесь он изначально не стоял: чужеродная сетчатая шахта вгрызалась в пол и потолок.

— Ну, матушка, роскошь! — Я воодушевлённо покачал головой. — Ты ещё скажи, у вас лаборатория есть!

— А как же, Степан Дмитрич, есть! Не всё делаем, но с нашим профилем нельзя не иметь, всё же у нас серьёзная больница! — обиделась женщина.

Я миролюбиво поднял руки в воздух.

— Как же вы начальство уговорили?

— А это всё наш Василий Никанорович. Дай-то бог ему всего да побольше.

Я поморщился. Не любил «про бога», но на перифериях от него никуда не деться.

— Здесь у нас, вот, поглядите, даже комната досуга имеется. — Настасья тихонечко прошла по коридору и приоткрыла двойную дверь, украшенную узкой вставкой витражного стекла. — Чтобы всё у пациентов было как дома.

Я взглянул в щель: вдоль стен высились книжные стеллажи; красные, как флаг, тяжёлые шторы висели на окне; в центре чернел камин, бюст Менделеева, все дела. Одна напротив другой стояли зелёные канاپки с обивкой и резными ножками. Ну, натуральная библиотека. У нас такие интерьеры в старом купеческом центре бывали. На скрип двери обернулись две бледные женщины в больничных сорочках и тут же вернулись к чтению.

— Ох ты! Чьи книги?

— Это всё собрание нашего Василия Никаноровича. Он считает, пациентам для выздоровления важно предоставлять досуг, — словоохотливо отвечала Настасья. — Если больной в хорошем настроении, то он и восстановится быстрее. У нас и книжки-то все познавательные, весёлые... Дюма, Пушкин, Верн. Бывает, знаете, уже думаем — всё, погибает пациент. А он накануне роман начал читать, оторваться не мог. Говорит, мол, не помру, пока не узнаю, чем дело кончилось. И представляете, не помирает ведь! — Она хлопнула себя по швам. — А всё потому, что воля к жизни появляется. Небось у вас такой досуговой нет?

Она явно ждала ответа, что нет, но у нас, вообще-то, была, и даже с радиолой и газетами. И всё же я помотал головой. Настасья расплылась в улыбке.

— Ну, пойдёмте, провожу вас до комнаты. Как обустроитесь, я вас отведу к Василию Никаноровичу.

Здесь, что не встретишь после земской системы, почти весь персонал квартировался при больнице. Тут же на втором этаже. Настасья объяснила, что хотели расширяться, увеличивать число коек, но не смогли денег собрать, чтобы достроить новый корпус для персонала. Так, мол, и стоит на заднем дворе остов. Я кисло вздохнул. С одной стороны, конечно, удобно, можно поспать подольше и не тащиться через полгорода до работы, что особенно неприятно зимой в пургу. А с другой — когда живёшь на работе, то и выходные проводишь за ней. Болячки пациентов не имеют привычки спрашивать конца твоего отдыха. Да и какой может быть спокойный сон, когда прямо над головой оперблок?

Комната, куда меня подселили, оказалась приятной, чистой, с высоким потолком и красивым светильником в стеклянном плафоне в крапинку. Площадью под девять метров — даже несколько больше, чем у меня в Куйбышеве. Правда, проходная; как заходишь, сразу слева дверь в другое помещение. Похоже, комнатка прежде была цельной, а теперь её поделили фанерой — я стенку стукнул, ну, так и есть. Интересно, кто сосед? Из мебели были небольшой стол-бюро, стул, панцирная кровать, ширма, чтобы отгородиться от прохода, да узенький шкафчик. Я тут же решил зарисовать для Натальи Михайловны — мы

друг дружке часто присылали рисунки. А как фотоаппарат с премии куплю, тогда и фотокарточки буду отправлять.

Потом Настасья меня провела в гигиеническую комнату, и вот ванная тут, конечно, оказалась загляденье. Просторное помещение с узким окном и лейкой со стены, как в пионерлагере. Вода и горячая, и холодная. И очень удобно, что на том же этаже. Сказывалось, что при больнице, — чистота зеркальная. Даже плиточные шовчики все беленькие, начищенные, я чуть не расплакался. В коммуналке-то всякие соседи попадались. Бывало, иной раз и не протрут за собой, поскользнёшься так, что тазики с крючков посыплются, и потом неделю хромаешь. Вот подселили как-то к нам на прошлую квартиру одно семейство. Отец жил по принципу «общественное — значит, ничьё», и мы с ним месяц ругались из-за того, что он моё мыло подворовывал, скотина.

Вернувшись после помывки в комнату, я увидел на стуле молодого человека в поношенном халате. Лицо у него было землисто-серое, больного вида, глаза утопали под тяжёлыми густыми бровями. Он встал навстречу и в упор посмотрел на меня оценивающим взглядом. Внешняя усталость с толку сбивала, но, кажется, он был меня чуть помладше. Вытянутый, тёмно-русый, длиннолицый и весь какой-то нескладный, как богомол.

— Значит, теперь ты мой сосед? — спросил он с нескрываемым удовольствием, голос у него был скрипучий и негромкий.

— А кто спрашивает? — поинтересовался я, промакивая волосы полотенцем.

— Николай Елезарович. Хирург.

Любопытно. Елезарович — уж не того ли самого Елезара сынок? Эка! Так у них тут и коррупция, и семейственность? Ладно бы профессия пролетарская, а в нашей сфере никуда не годится, если сынишка не стесняется в той же больнице работать, что и папаша. Постыдились бы.

— Вот так совпадение, — насмешливо ответил я. — И я хирург. Степан Панфилов. — Я протянул ему руку. Николай её вяло и досадливо пожал. — Ну, будем знакомы, сосед. Что, видно, неважно вы справляетесь, Николай Елезарыч, раз меня к вам вызвали?

— Не мы просили — горздрав. — Сморщился он и закатил глаза. — Перераспределение специалистов. И так сорок коек на три пары рук, куда ж больше.

— А я слышал, Липников больше не оперирует?

Сосед поджал губы. Что, неужели подловил я его?

— Выходит, по двадцать на человека, а? Не многовато?

— Не многовато. Всё равно аншлага не бывает. — Будто скучая, он отвёл взгляд к окну. — А Василий Никанорович только избранные случаи берёт.

Вообще, Николай был здорово выше меня, но так сутулился и смотрел исподлобья, что, казалось, мы почти одного роста.

Наш разговор прервал крик из коридора:

— Николай Елезарович! Поступление!

Сосед встрепнулся и стремительно вышел из комнаты. Я пару секунд решал, бежать ли мне за ним или всё же дать себе время отдохнуть с дороги... Эх, в могиле отосплюсь! Вдохнул, прихватил халат с кровати и поспешил за Николаем.

— С чем привезли, Людмила Павловна? — спрашивал он медсестру по пути.

Эта сестричка была низенькой, как кубышечка, и, как мне показалось, больно пожилой для работы. Быстро-быстро семеняла вслед за Николаем, как собачонка. На затылке был собран пучок из седых волос, приглаженный сеточкой.

— С ногой.

— Почему к нам-то? — раздражился он.

— Коль привезли. Не в первый раз свозят не по профилю. Говорят, спрашивали, где ближайшая больница, а им нас указали.

— В следующий раз даже оформлять не вздумайте! От ворот разворачивайте и в Буяльского посылайте!

— Знаем-знаем, — похихикала Людмила. — И с ворот вы же сами их и подберёте.

Николай недовольно фыркнул:

— Ладно, посмотрим. На бумажке что-нибудь придумаем.

Мы спустились на первый этаж в приёмный покой: тоже своеобразное местечко, с нарядной чёрно-белой плиткой на полу, полосатыми

обоями и деревянными панелями на стенах. На кушетке, охая, сидела молодая женщина с накрытыми полотенцем ногами. Бледная, вся в испарине, как стаканчик абрикосовой в жару. Подле мялся, полагаю, её муженёк со скорбным выражением лица.

— Показывай, мамаша, с чем пожаловала, — кивнул Николай на её ноги и натянул переданные медсестрой перчатки.

Пациентка даже не сразу обратила внимание на нас, неохотно подняла край полотенца, демонстрируя вздутую стопу с фиолетовым до черноты пальцем.

— Где ударились? — спросил Николай, хмуро таращась на её конечность.

— Да на огороде вилами промахнулась, — вздохнула женщина, стирая лихорадочный пот.

— Давно? — Он приложил пальцы костяшками к её лбу, нахмурился.

— Второй день.

Николай опустился к её ногам, секунду-другую внимательно смотрел и мягко надавливал на лиловый отёк, поднимающийся до самой лодыжки. Быстро глянул на меня:

— Слышишь? — Николай потянул меня за плечо, заставив прислушаться к опухшей ноге. — Хруст в пальце. Будто пузырьки лопаются. Газовая гангрена... Клостридии в почве подхватила. — Он поднял глаза на больную. — Ну, глядишь, стопой отделаемся.

— Стопой? — не поняла она.

— Ампутировать придётся!

— Да у меня же дети! Как за ними на одной ноге бегать?!

— Ну, не побегаешь, так попрыгаешь. — Он поднялся, стягивая перчатки. — Людмила Павловна, — обратился он к сестричке, — дайте антибиотиков внутривенно и скажите, чтобы сейчас же готовили операционную. А вы? — обратился он раздражённо к муженьку. — Чего не везли? Ждали, пока окочурится? Уж на первый день всё видно было! Эх! — Он в бессильной злобе махнул рукой и вышел из кабинета.

Так-так, вижу, с этим можно общий язык найти через работу.

— Вот всегда так, — бубнил он по пути. — Как серьёзно, так ждут по сто лет, а как мелочь... А ты чего за мной ходишь? — Тут же обернулся на меня в коридоре. — Тебе разве не надо к Липникову?

— Так вон вы оперировать будете. А у меня уже знаете, как руки по делу соскучились? — Это я соврал, конечно. Сейчас мне хотелось только подремать. — Четверо суток в операционной не бывал.

— Хорошо ассистируешь-то? — Он сразу весь как-то насторожился.

— В Куйбышеве не жаловались.

Николай нахмурился — этого ему явно было недостаточно, и я добавил:

— Вообще, хвалили, но как-то неловко говорить, словно хвастаюсь...

— Раз хвалили... Ладно. Через полчаса в операционной жду.

На войне все средства хороши: быстро справлюсь — быстро домой поеду.

Я вернулся в комнату за документами, и Настасья Львовна проводила меня к кабинету главврача. На первом этаже в закутке в конце коридора обнаружили двери с латунной табличкой «Главный врач: Липников В. Н.». Я осторожно постучался и, дождавшись какого-то невнятного вроде бы приглашения, вошёл.

Первое, что бросилось в глаза, — сидящая на кабинетном столе на фоне окна кошка, серая, куцая и жутко старая, с побелевшим от катаракты хрусталиком. Оторвавшись от умывания, она внимательно на меня посмотрела ещё видящим глазом, встала, неторопливо потянулась. А самого главврача я даже не сразу заметил.

— Доброго дня, молодой человек, — донёсся до меня сухой, как выгоревшая бумага, голос.

Я обернулся. Старик сидел на каталке в углу, у книжного шкафа, почти слившись с покрытой фотографиями и картинами стеной — словно ещё один портрет, даже цвет пиджака в тон краски. Он и на той конференции неважно выглядел, но теперь ещё больше высох. Лицом чем-то даже на Суворова был похож: лоб такой же широкий и расчерченный морщинами, как стиральная доска. Только вот Суворовской силой тут и не пахло. Глаза прятались за толстенными очками в рыжеватой, как янтарь, черепаховой оправе. С таким зрением операции не поделаешь. Значит, что бы тут ни происходило, чужими руками работает. В воздухе стоял запах пыли, сухоцветов

и чего-то кислого, словно рвоты. За перегородкой, в углублении, виднелся уголок старицовой кровати.

— Степан Панфилов, — представился я, стараясь звучать как можно веселее. — Переведён из Куйбышева. Хирург-травматолог.

Я широко улыбнулся, и Липников, поправив очки, подслеповато на меня посмотрел, сиюсь сфокусировать взгляд. Жестом подозвал поближе.

— Какая у вас фамилия хорошая, героическая! Ну, добро пожаловать. — Он будто откашлялся смехом. — Чем больше рук, тем бодрее дело идёт.

Липников закрыл книгу, лежащую у него на коленях, — «Учение о хирургических операциях Д-ра Т. Кохера». Раритетик, однако.

— Я документы принёс на оформление. И вот, прошу, рекомендации. — Я протянул свою папку.

— Положите туда. — Липников указал сухой рукой на захламлённый бумагами и иностранными медицинскими журналами стол. Кожа как помятая газета. — Сейчас Елезар Григорьевич подойдёт, вместе подпишем. Мы вас ему передаём... А я... — Он постучал ребристым ногтем по оправе. — Совсем уже глаза не те... Primum non nocere. Теперь уж только на подхвате. Как вам наша больница?

— Красота! Курорт.

— А как же, — довольно согласился Липников. — Тут сам климат лечебный! У нас же, знаете, пневмонии и туберкулёзы — обычное дело. Прежде тут была здравница для лечения воздухом. Тут ведь и горный, и лесной, и морской... Настоящий целебный коктейль. Хорошо для здоровья... — Голос его становился постепенно всё тише и тише, будто он сам себе что-то объяснял. — По респираторным болезням первые на Кубани были. А затем организовали и торакальный операционный блок... Вначале только лёгкие иссекали, затем и сердечные операции стали делать... Передовые для своего времени... Звали нас «врачи людских сердец»... — Он ностальгически улыбнулся.

А я подумал: ничего себе, прям такие «первые на Кубани», что за все два года в Свердловдаре ничего об их первости не слышал.

— А вот как Елезар Григорич к нам перевёлся, тут и второй профиль открыли... Да впрочем, как перевёлся? Я его, можно сказать, подобрал, когда его из Буяльского не по делу уволили...

— Не по делу? — не сдержав насмешки, перебил я.

— Не по делу совершенно! — Старик даже рукой по подлокотнику хлопнул, но хлопок был бессильный, как цыплячий клевок. — Я давно его знаю, увольнять его — совершенный грех против пациентов! Но господин Кударин, видите ли, не очень любит, когда ему на недостатки указывают... Вы уж простите сердечно, что я так резко о коллегах. — Приложив ладонь к груди, он доверительно склонился ко мне. — Полюбил я с возрастом языком чесать... Елезар Григорьевич же работал долго в нейрохирургии, в НИИ, ещё в Москве. А я подумал: зачем пропадать таким рукам? У нас же тут нейрохирургии специализированной нет на сотни километров вокруг! Конечно, понятно, что не абдоминальные нужды или, скажем, травматология, да только с нейротравмами везти же приходится до самого облцентра, а тут каждая минута важна! И вот, тьфу-тьфу, и мы открыли отделение. Ведём оба теперь как четыре года.

Кошка спрыгнула со стола, мягко стукнув лапами по полу.

— Ваша? — Я указал на серую старушку.

Липников встрепенулся.

— Общая, больничная. Нам её пациент подарил. В благодарность. — Василий Никанорович сентиментально улыбнулся. — У нас мыши на кухне, бывало, бегали, вот он и решил, что нам его охотница пригодится. Мол, такая кошка, лучше ста мышеловок! Я говорил: не возьми, и не предлагайте! Всё равно всучил. А куда ж нам её, не выкидывать ведь — живое существо, жалко. А глядите, прижилась! Мышей с тех пор не видать. Тараканов и тех погрызла. — Он потянулся к кошке, она ткнулась носом в его морщинистую руку, обошла, потёршись боком о штанину и оставив на ней целый кллок шерсти.

— Как зовут?

— Валечка... Как валериана. Хранительница и успокоительница наша.

Я бы сказал, что животных в больнице держать антисанитарно, но при моей партийной задаче критика — последнее дело. Так что я поддакнул:

— И правильно. Пациентам лептоспироза от грызунов не надо.

Видимо, мой ответ ему понравился.

— А что ж вы стоите, Степан, присаживайтесь. — Он махнул на тахту.

— Да мне скоро бежать. — Я указал на дверь через плечо. — Там больную с газовой гангреной привезли... Хочу подсобить Николаю Елзаровичу в операционной.

Дедулька удивлённо поднял брови:

— О как, с газовой гангреной и к нам?.. Ну что ж, раз надо... Сразу в бой рвётесь?

— Так точно! Стыдно без дела сидеть! — Сбрехал, конечно: всю жизнь бы бездельничал.

Он ласково улыбнулся:

— Такие люди очень нам нужны, Степан Петрович...

— Дмитриевич, — мягко поправил я.

— Ох, простите, ради бога! — рассмеялся он, показав зубы, два стальных блеснули в робком свете, и старческая слезинка собралась в уголке глаза. — Степан Дмитриевич! Вот, память уже и та подводит. Вы по больнице-то ещё не походили?

— Не довелось почти. Наверстаю ещё! Скажите, а что, правда у вас здесь какие-то эксперименты?.. — Не успел я договорить, как Липников опять расхохотался; видно, не дурак был посмеяться.

— О-о! Да какие эксперименты. Это у нас младший персонал так хорошо Чернышеву поддакивает. Какие эксперименты? Гемостатические губки? Ну, такие, пожалуй что, и есть. Иль вон, плёнку плевро взяли для герметизации лёгкого.

— Что же, совсем без научной деятельности обходитесь? — делано опечалился я. — А я-то думал у вас написать какую-нибудь работу.

— А вы чем, соколик, интересуетесь? — Он оживился.

— Больше всего... — начал я. У нас уже была обговорена с Наташей легенда этой работы, да я и сам находил её интересной. — Знаете, я рос на достижениях Бурденко... Меня с юношества тянуло изучать нервную систему. Мне кажется, стереотаксис очень перспективен в области мозговых операций...

— Тема для большой науки! Молодчина! — похвалил Липников. — Чем сможем, тем подсобим. В нейротравме, к несчастью, нет недостатка. Знаете, как бывает: пятого — получка, двадцать пятого — аванс, вот и жди в эти дни поступлений. К восьми часам начинают чертей ловить, а к десяти уже на столе.

Вот уж это в точку.

— Ну и онкологии, конечно, тоже немало, — добавил Липников с сожалением. — С Ковыленко, патологоанатомшей нашей, говорил на той неделе, а она рассказывает, это у них там, в Буяльского, было: лечили-лечили пациента от прободения желудка. Хорошо, на поправку идёт. И вдруг умирает! Думают — отчего? А на вскрытии обнаружили опухоль в голове размером с яйцо. — Он показал пальцами внушительный диаметр. — Сам видел! Оксана доставала мне поглядеть. А ведь до того жаловался на тошноту, думали, от лекарств. Знаете, от чего умер? Опухоль дыхательный центр пережала, вот и был таков. А был бы врач специализированный, руку на отсечение — не пропустили бы! А то ведь даже и сам не знал, что болен. — Василий Никанорович горько покачал головой. — Молодой ведь ещё был, двое сироток теперь на жене. — Он вдруг встрепенулся. — Да что я всё болтаю-болтаю! Вам оперировать надо, говорите?

Я глянул на наручные часы, хотя в кабинете стояли напольные.

— Ещё минутка есть! При переводе первое дело — с коллегами, с начальством познакомиться.

— Вы, голубчик, расскажите, вы же хирург-травматолог? — Он опять поправил очки, придвинувшись и сиюсь меня разглядеть.

— Так точно.

— Почему же в нейрохирургию только сейчас пошли? — по-отечески спросил он.

— Стыдно сознаться, побоялся. — Я пожал плечами. — А теперь после травматологии переходить — сложный шаг. Там можно и силу применить, а тут тянешь, ждёшь, по долям миллиметров высчитываешь. Ювелирная работа. В Куйбышеве часто ассистировал нашему нейрохирургу. Конечно, область сложнейшая, поле непаханое. Я, честно, так обрадовался, когда узнал, что меня к вам посылают, в больницу с нейроотделением. Буду осваивать, — заученно сказал я; до того отработывал.

— И хорошо, что к нам! — Липников похлопал меня по руке своей тонкой морщинистой ладонью, словно сухой веткой погладили. — Под началом Елезара Григорьевича невозможно не научиться. Его сын у нас тут же работает. Такого отличного специалиста воспитал. И вас, голубчик, научат.

Значит, Николай и вправду его сынок. Ну, в таких условиях сговор организовать — раз плюнуть. Получается, Липников взял почти что с улицы выгнанного с позором врача и его отпрыска, и это-то наши три оперирующих хирурга! Средний-младший персонал может покрывать, а может, их вообще не посвящают... Познакомиться бы с этой их патологоанатомшей. Вот уж кто всю подноготную знает.

— Наверное, пойду к операции готовиться...

— Бегите-бегите, голубчик! — Он засуетился. — Документы сейчас же подпишем, чтоб вы уж у нас полное право имели.

Я встал, тепло распрощался и побежал на третий этаж. На первый взгляд Липников, конечно, приятным показался. Даже жалко, что такой милый дедулька может оказаться злодеем. А вдруг он вообще не в курсе, а только эти двое, папенька да сынок, тут тунеядцев зарезают? Либо же он так умело притворяется. От бывших этих чего угодно можно ждать.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

